

Жизнь и творчество великого итальянского оперного композитора Джузеппе Верди во многом были связаны с Миланом. В этом городе он, бедный стипендиат родного местечка Буссето, перебиваясь с хлеба на воду, брал уроки музыки, постигал секреты своей трудной профессии. Здесь, в прославленном оперном театре «Ла Скала», состоялась премьера его оперы «Навуходонсор», принесшей автору триумфальный успех и ставшей знаменем патриотических кругов, боровшихся за свободу и независимость Италии. В Милане композитор пережил события революции 1848 года и написал в те бурные дни музыку на стихи поэта-патриота Мамели «Звучит труба» — гимн сражавшихся за свободу своей родины бойцов, который стал государственным гимном Италии, когда она сбросила цепи иноземного владычества. В Милане знаменитому композитору было суждено навсегда закрыть глаза.

О «миланских» страницах творческой биографии Верди повествуется в публикуемом очерке, появившемся в итальянском журнале к 80-летию со дня смерти композитора.

ГУСТАВО МАРКЕЗИ

«СТОРИА ИЛЛЮСТРАТА», МИЛАН.

Свою первую поездку в Милан Джузеппе Верди совершил в июне 1832 года. Его почти наверняка сопровождал отец, Карло Верди, и учитель музыки Фердинандо Провези. Целью поездки было пристроить подающего надежды юношу, которому шел девятнадцатый год, чтобы он мог совершенствоваться в композиции и игре на фортепиано. В кармане Джузеппе лежал документ судной кассы его родного городка Буссето, в котором говорилось, что юноше гарантируется стипендия на время учебы.

Неудавшаяся попытка поступить в консерваторию

Первые расходы взял на себя Антонио Барецци, винокур, хозяин лавки колониальных товаров и меценат. Он же обязался в дальнейшем выплачивать молодому музыканту некоторую сумму в дополнение к скудной стипендии. Председатель местного общества любителей музыки Барецци души не чаял в одаренном юноше, к которому он относился как к родному сыну. Именно Барецци настоял на том, чтобы Джузеппе поехал завершать учебу, начатую с Провези, в Милан, а не в Парму — столицу герцогства, которому принадлежал Буссето. Покровитель Верди хотел устроить его в консерваторию ломбардской столицы и связать с музыкальными кругами, тяготеющими к «Ла Скала» — одному из самых прославленных, если не самому прославленному, оперному театру мира.

Месцем раньше Барецци получил письмо из Милана от профессора Джузеппе Селетти, землевладелец и племянник того самого каноника Пьетро, который был учителем юного Верди в гимназия Буссето. Джузеппе Селетти преподавал словесность в Милане и заодно присматривал за сыном Барецци, Джованнино, который обучался в одном из колледжей. Профессор согласился протектировать и студенту, который собирался изучать музыку.

В своем письме Селетти не скрывал трудностей, которые ждали молодого Верди в Милане. Знаменитый музыкальный издатель Риккарди, к которому Барецци хотел бы пристроить юношу, действительно давал работу многим музыкантам, но платил за нее сущие гроши. «Что же до поступления в консерваторию либо занятий вне консерватории со специально нанятым для того мастером, — писал профессор, — то это можно решить, когда будут испробованы способности молодого человека». 22 июня Верди подал письменное прошение о допуске его к вступительным экзаменам в Миланскую консерваторию.

Хотя Джузеппе на целых четыре года перерос обычный возраст поступающих в консерваторию, к экзаменам его все же допустили. Благодаря рекомендательному письму он

попал к знаменитому Алессандро Ролле, скрипачу-виртуозу, учителю самого Паганини. Верди был озадачен благоприятным приемом: экзаменаторы нашли, что он «одаренная натура», каковая, с тщанием и прилежностью предаваясь изучению правил контрапункта, сможет верно управлять воображением, которым наделена от рождения, и таким путем преуспеть в искусстве композиции».

Но сверх этого надлежало еще сдать экзамен игры на фортепиано, и именно здесь Верди ожидала неудача. Экзаменатор, маэстро Анджелиери, обнаружил у Джузеппе «дурное расположение руки». Необходимо было переучиваться, но, учитывая возраст поступающего, профессор считал это невозможным. Кроме того, в консерватории и без этого было много студентов-пианистов, а инструмент был один, так что студентам приходилось заниматься на нем по очереди. Рассчитывать на особую привилегию Верди не приходилось. И вообще, он был приезжим, «чужаком», и неудача на экзамене по исполнительскому мастерству была в его случае сочтена более чем достаточным основанием для отказа в приеме.

Верди был совершенно обескуражен этим и на протяжении целого месяца не знал, что делать. Его выручил хозяин дома, профессор Селетти. Нрава он был строгого, характера настойчивого и дотошного. Зная, что Барецци не постоит за расходами, Селетти сделал все возможное, чтобы найти юноше действительно знающего частного преподавателя композиции. Первым делом он навел справки, кто из миланских преподавателей считается лучшим («наибольшей известностью пользуются трое: Пьянтанида, Рай и Лавинья»), сколько они берут за урок («от трех до четырех лир»), после чего написал Барецци, чтобы тот приезжал да поскорее («Закладывая свое двуколку и скажи: здесь мы быстро все уладим»).

Молодой композитор берет частные уроки

В первых числах августа Верди уже занимался с маэстро Винченцо Лавинией, автором опер, преподавателем сольфеджио в консерватории и клавишником театра «Ла Скала». Жил он у Восточных ворот, рядом с трактиром, описанным Манцони в романе «Обрученные». С своим ученике Лавинья сразу же стал отзываться самым похвальным образом, хотя при этом отмечал, что жизнь в захолустном Буссето, конечно же, не способствовала его технической грамотности.

Что же касается Селетти, то даже допуская, что в своем деле Верди сможет чего-нибудь добиться, он не симпатизировал ему как человеку. Виной всему, по словам профессора, был совершенно невыносимый характер постояльца. Не лучше, чем у папаша, добавлял Селетти, который — нужно отдать ему справедливость — при всем том продолжал относиться к сыну и к отцу, в общем и целом, доброжелательно. В частности, в полном согласии с Лавинией, он делал все возможное, чтобы

Театр «Ла Скала» на литографии середины прошлого века. «Стория иллустрата», Милан.

Улицы, помнящие Джузеппе Верди

удержать Верди подальше от Буссето, облегчая ему поиски приработка в Милане.

Будучи сам провинциалом, перебравшись в столицу, Селетти хорошо понимал разницу между заштатным городком вроде Буссето и таким центром, как Милан. О лучшем устройстве своего любимца думал и Барецци, однако соображения местного порядка то и дело сбивали его с толку. Попросту говоря, ему хотелось, чтобы в выигранные были все: и Верди как композитор, и общество любителей музыки Буссето, и муниципальная музыкальная школа. Старый учитель Верди, Фердинандо Провези, умер вскоре же после отъезда ученика в Милан, и теперь место учителя пустовало. Ни для кого не было секретом, что Маргерита Барецци была невестой начинающего композитора, и свадьба должна была состояться, как только он получит место. Будущие тесть и теща, естественно, хотели, чтобы молодые жили поближе к ним. Достоверно известно и то, что Верди, находясь в Милане, продолжал сочинять музыку для филармонического общества Буссето. «Даже в ущерб учебе», — добавлял Селетти.

Письма миланского профессора к Барецци написаны характерным слогом и составляют уникальный источник сведений о студенческих годах Верди, его взаимоотношениях с родными и окружающими. Материально юноше жилось очень нелегко. Начать с того, что у студента не было даже кровати. Осенью, с приходом холодов, помимо кровати, молодому человеку понадобилось теплое одеяло. Да и с одеждой у постояльца было неважно. Верди стыдился своей бедности. «Ему надобно приобрести», — пишет Селетти в письме Барецци, — еще и потому, что ему приходится общаться с определенным кругом людей. Нужны сюртук, пара брюк и жилет. Лучше всего шить из сукна: я постараюсь купить материал подешевле, а ты отвечаешь побыстрее, а то зима не ждет».

За три австрийские лиры в месяц Лавинья договаривался с одним из нотных магазинов, чтобы его ученику давали на дом партитуры для заучивания. Когда начался сезон в «Ла Скала», стал вопрос о покупке абонемента: Лавинья хотел, чтобы Верди бывал на всех спектаклях. Билет стоил 3 лиры, а абонемент на сезон — целых 75 лир. Прежде чем решиться на такую трату, осторожный Селетти специально запросил у Барецци: покупать весь абонемент или только на часть сезона? Трудно обстояло дело и с нотной бумагой для упражнений и сочинений. Для Буссето Верди должен был написать мессу. Кроме того, нужно было сочинить увертюру к личному концерту Лавиньи.

Верди выступал и сам: известно, например, что в апреле 1834 года он дирижировал кантатой «Сотворение мира» Гайдны и одновременно исполнял в ней партию на клавесине. Концерт был дан силами Миланского филармонического общества. Вплоть до лета 1833 года Селетти самым похвальным образом отзывался об учебе молодого Верди. Джузеппе трудился не покладая рук, прилежно на уроках Лавиньи, упражнялся на клавесине в доме друзей Селетти и лишь час-другой уделял прогулкам. Хуже обстояло дело со здоровьем, которое у него «не назрело слишком крепким». Летом 1833 года оно еще более ухудшилось из-за новомодного недуга под названием «грипп» — «болезни, которая сейчас здесь господствует и которая, хотя и выражается в небольшой лихорадке, лишает человека сил на несколько недель». Примерно до 1850 года Верди будет страдать постоянными воспалениями горла. Биографы рассказывают, что здоровье композитора окрепло лишь тогда, когда, накопив денег, он купил небольшое поместье Сант-Агата, где каждый день в любую погоду совершал длительные пешеходные прогулки.

С лета 1833 года отношения с Селетти ухудшились. Молодой музыкант должен был снять

Джузеппе Верди.

комнату в другом доме, а Селетти занимался теперь делами Верди «со стороны»: осведомляясь у Лавиньи ходом учения Верди, переводя ему деньги за уроки и т. д. С 1835 года ученик, по-видимому, становится менее прилежным; Лавинья, в частности, жалуется Селетти, что Верди слишком долго задерживается в Буссето после каникул, а это может повредить довершению его обучения. Будущий тесть, со своей стороны, посылает Джузеппе письмо, в котором чувствуется некоторая досада по поводу того, что, покинув дом Селетти, он тратит куда больше того, что само было твердо установил себе пределом, ошибочно полагая, будто, «живя в одиночку, можно сэкономить».

Но вот наступил день, когда Лавинья вручил Верди «похвальный аттестат». Путем долгих и неустанных упреждений молодой человек постиг тайны контрапункта.

В «Ла Скала» тем временем Верди смог прослушать все выдающиеся оперы тогдашнего репертуара. В Миланском филармоническом обществе он, как уже говорилось, с успехом дирижировал «Сотворением мира» Гайдны и сдружился с руководителем оркестра Пьетро Массини. Именно Массини помог ему сделать первый шаг к осуществлению заветной мечты — созданию своей оперы. Вместе они нашли либреттиста в лице Антонио Пьяцци, мелкого чиновника и журналиста. Получив первый набросок либретто — речь шла об «Оберто, графе ди Сан Бонифачо», — Джузеппе отправился в Буссето писать музыку.

Учитель музыки из местечка Буссето

Все это время он переписывается с Массини и с Лавинией. В сентябре 1836 года опера была в основном закончена. Оставались лишь мелкие доделки и кое-какие изменения, которые предстояло обсудить с либреттистом.

В 1836 году Верди лишь ненадолго приезжал в Милан. Это было в начале мая. С ним вместе была Маргерита Барецци, с которой он только что обвенчался в Буссето. Молодых приютил в своем доме все тот же, теперь уже окончательно примирившийся с музыкантом, профессор Селетти. Верди незадолго до того получил по конкурсу должность преподавателя музыки в Буссето и, казалось, навсегда расстался с мыслью искать себе другое место, например, органиста капеллы при соборе в Монце, близ Милана, о чем так хлопотали Лавинья и Массини.

Однако в действительности Верди лишь делал вид, что удовлетворялся скромной должностью учителя музыки в Буссето. Буссето теперь его совершенно не удовлетворял. Находясь в этом захолустье, разве можно было добиться постановки его оперы? Ведь для такого рода дела и переговоров требовалось личное присутствие, а состояние до Милана было неважно. Ко всему добавлялся еще эпидемия холеры. В письме к Массини от 15 октября 1836 года Верди изливает свою горечь в выражениях, напоминающих трагическую тоску стихов Леопарди: «Знай же, что я истосковался, живя в Буссето, потому что, как тебе известно, в маленьком селении, вдали от большого города, нет никаких перспектив для того, кто профессионально занимается музыкой, нет надежды на продвижение. Ты видишь, что лучшее время моей молодости проходит совершенно впустую». В заключение письма Верди спрашивает у друга, не осталось ли хоть каких-нибудь шансов на получение места при капелле в Монце, несмотря на истечение всех установленных сроков.

В сентябре 1837 года забрехала было надежда на постановку оперы в Пармском герцогском театре. Верди рассчитывал на поддержку театральной комиссии, но натолкнулся на

противодействие импресарио Луиджи Гранчи. Известный своей расчётливостью, этотделец заявил, что «нет резона подвергать себя риску, представляя публике автора, успех которого не гарантирован». Занавес еще раз опустился перед самым носом у молодого маэстро.

Тем временем филармоническое общество Буссето очаровывало слушателей исполнением его произведений, а в Миланском музыкальном издательстве Канти готовился к выходу первый сборник его сочинений в составе шести романсов.

Наступил 1838 год. В семье Верди горести чередовались с радостями: умерла старшая дочка, Вирджиния Мария Луиджа; родился сын, Ичино Романьо. В сентябре, пользуясь школьными каникулами, Верди снова приезжает в Милан вместе с женой, которой также надо было немного развлечься после всех переживаний. Чтобы совершить поездку, Джузеппе вынужден был обратиться к тестю с просьбой одолжить 120—130 франков, которые он обязался выплатить из своего учительского жалованья. Отец Маргериты был щедр: он выделил нужную сумму. Ночевали Верди по-прежнему у Селетти, а днем бродили по городу. «Милан, как и прежде, очень красив», — пишет Джузеппе в письме Барецци. Но события, происходившие в те дни в городе, вывалили у него немалое раздражение. Как раз в это время в Милан для коронации в знаменитом соборе прибыл австрийский император Фердинанд. Собор и площадь были разукрашены по этому случаю под руководством главного художника «Ла Скала» Санкурико. «О военном параде, который принимал император, сидя на коне, прохождении войск, бале в королевском дворце, украшениях собора, — читаем мы в письме Верди Барецци, — обо всем этом писать вам не буду». А в письме от 16 сентября он с удовлетворением сообщает: «Император убрался восвояси, и все это неспристойное зрелище кончилось».

Путь к славе

Но вот Джузеппе и Гитта, как по-домашнему звали его жену, получают первые, пахнущие типографской краской экземпляры романсов. Один тут же отправляется Барецци. К нотам Верди присовокупляет письмо, в котором не может скрыть чувства своей радости. Одновременно наконец сдвинулось с мертвой точки и дело о постановке его оперы.

Вернувшись домой 10 октября, Верди уже 28-го увольняется из школы, а 6 февраля 1839 года перебирается вместе с семьей в Милан. До сентября Верди жил у Селетти, а затем с помощью тестя снял квартиру на живописной виа Сан Симоне. К концу ноября их постигло новое горе: умер малыш Ичино. Мать была глубоко потрясена этим несчастьем. 17 ноября в «Ла Скала» состоялась премьера «Оберто, графа ди Сан Бонифачо». Публика приняла ее веплохо, спектакль был повторен 14 раз. Из Буссето специально приезжали друзья — «поболеть» за земляка. Издатель Риккарди — а кто из музыкантов не мечтал о его внимании — приобрел права на издание партитуры «Оберто» за 2 тысячи австрийских лир. Директор театра Мерелли предложил дебютанту контракт еще на три оперы — с уплатой за каждую по 4 тысячи австрийских лир, не считая выручки от продажи партитур.

Верди тут же принимается за работу, но заболел ангиной. Денег в доме снова нет. Гитта относит ростошувку свои драгоценности. Едва Верди обретает работоспособность, на него обрушивается новый удар. 18 июня 1840 года от энцефалита умирает жена. Отпевание состоялось на следующий день в церкви Сант Амброджо.

После похорон Верди в сопро-

вождении Барецци возвращается в Буссето. От миланской квартиры он отказался, домашний скерб распродал. Лишь фортепиано австрийской фирмы «Фритц», подарок Барецци молодоженам, осталось в Милане.

Но 5 сентября того же года Верди снова в Милане, где была назначена премьера его новой оперы, «Один день царствования», написанной по заказу Мерелли на основе душещипательной мелодрамы знаменитого тогда Феличе Романи. Легко представить, в каких условиях, ценой каких мук и душевного напряжения она далась композитору. Опере был уготован полный провал...

Верди едва не утратил окончательно веры в себя. Каждый вечер проходит он одним и тем же путем, через столь популярную у миланцев галерею Де Кристофорис, прибежище литераторов, художников, артистов. Здесь часто бывает и Мерелли, который не намерен расставаться с Верди и после неудачи. Однажды в снежный зимний вечер он затаскивает его в артистическую уборную «Ла Скала» и почти насильно вручает ему рукопись либретто, написанного Темистокле Солеорди. Верди сначала воспринял текст равнодушно, постепенно его захватило чтение либретто. Так родился «Навуходонсор», или, в кратком итальянском произношении, «Набукко», принесший первый, поистине триумфальный успех начинающему композитору и открывший перед ним врата славы и двери миланских салонов.

Гимн свободе Италии

Премьера «Набукко» состоялась 9 марта 1842 года, то есть почти через десять лет после того, как Верди студентом перешагнул порог дома профессора Селетти. Другам он признавался в тот вечер, что был поражен восторгом публики, хотя и преувеличил, что опера встретит теплый прием. О «Набукко» ходили толки уже давно, с момента начала репетиций (более того, одна из главных трудностей во время репетиций заключалась как раз в том, что из зала невозможно было удалить любителей-стесняющихся). И все же успех превзошел все ожидания. Особенно бурную реакцию у слушателей вызывал знаменитый «хор пленных иудеев»: всем было ясно, что эта музыка воспевала стремление Италии к освобождению от иноземного гнета...

Теперь круг дружеских связей Верди значительно расширился. Мы встречаем в нем не только тех, которые из блестящих имен литераторов, ученых, публицистов, музыкантов. Одной из самых примечательных фигур здесь была Клара Маффен — друг и вдохновительница многих видных деятелей революционно-патриотического движения. Завсегда гостем салона графини Маффен были сподвижник Мадзини литератор Карло Тенка, переводчик, литератор, либреттист Джулио Каркано, музыкальный издатель Риккарди. Именно Каркано, как звали ее друзья, познакомила у себя Верди с его кумиром Алессандро Манцони, автором «Обрученных», в котором справедливо видели основателя подлинно национальной современной итальянской литературы.

С салоном Маффен Верди оставался связан всю дальнейшую жизнь, вплоть до смерти графини 13 июля 1886 года. Узнав, что Маффен при смерти, Верди, который в это время лечился на водах, бросился в Милан. Он успел застать графиню в живых. Добавим, что Верди тогда сопровождала уже его вторая жена и верный друг, некогда знаменитая певица Джузеппина Стреппони. Зенит ее славы пришелся как раз на время появления «Набукко», в успехе которого она сыграла немаловажную роль. Их дружба и союз начались именно тогда — в 1842 году.

Вслед за «Набукко» Верди пишет еще одну оперу по контракту с Мерелли, «Ломбарды в первом крестовом походе» (премьера в «Ла Скала» 11 февраля 1843 года). Начинают сплошным потоком поступать заказы от других театров. По заказу венецианского «Ла Фениче» Верди пишет «Эрнани» (премьера — 9 марта 1844 года), затем римского «Ардентина» — «Двое Фоскари» (премьера — 3 ноября 1844 года). В разгар этих трудов и триумфов в образе жизни маэстро возникло одно новое обстоятельство, внешне малоозначительное, но чрезвычайно важное для биографов и исследователей творчества композитора. Старианиями все того же Барецци и на деньги все той же судовой кассы Буссето Верди получал помощника и ученика в лице рыжеволосого пареня Эмануэле Муцио, в будущем известного дирижера и хормейстера. Муцио чуть ли не ежедневно писал письма Барецци; из них-то мы и знаем множество подробностей о жизни Верди в 1842—1847 годах, да и в последующее время.

...Из-за постоянного напряжения у Верди вновь обостряются старые недуги, ему приходится опять прерывать работу, ехать на воды. В Венеции, куда он отправился в начале 1846 года на премьеру «Аттилы», его свалила тяжелая ангины. По возвращении в Милан Верди становится свидетелем того, как различные шарматизмы исполняют отрывки из его «Жанни д'Арк» (премьера которой состоялась в «Ла Скала» 15 февраля 1845 года), собирая толпы людей и вызывая вмешательство австрийской полиции.

Слава его растет. Эксцентричная русская графиня Самойлова (друг Карла Брюллова и многих других деятелей русской и итальянской культуры. Подробнее о ней см. «За рубежом» № 8 за 1980 год. — Ред.) организует настоящую кампанию в поддержку опер Верди, что еще больше способствует его популярности.

В середине марта 1847 года во Флоренции был впервые исполнен «Макбет», опера, над которой Верди трудился с особым воодушевлением и которую посвятил Барецци «отцу, благодетелю и другу». После возвращения ненадолго в Милан Верди в конце мая вместе с Муцио отправился в Англию, на премьеру «Разбойников» (22 июля 1847 года). На обратном пути он надолго задержался в Париже, где жила тогда Джузеппина Стреппони. Здесь Верди занимался переделкой своих «Ломбардов» для французской сцены, где опера была показана 28 ноября 1847 года под названием «Иерусалим». Париж навел тоску на композитора, друзьям он писал, что ему там все «попостыляло» и что он рвется в Милан.

Но в Милан он попал лишь в начале апреля 1848 года, сразу же после знаменитых «пяти дней» — народного восстания, изгнавшего его города австрийцев. Одновременно с Верди в Милан вернулся Мадзини, с которым он познакомился в Лондоне. Вместе с Мадзини композитор обратился к поэту-патриоту Мамели с просьбой написать слова боевого гимна для армии освобожденной Ломбардии, который он мог бы положить на музыку. Так родился знаменитый гарibaldiйский гимн «Звучит труба»...

В конце апреля дела опять потребовали срочного его присутствия в Париже. «Вернись, конечно же, я вернусь», — отвечал Верди друзьям, прощаясь с ними.

Но вернуться в Милан ему довелось очень нескоро. В июле австрийская армия одержала победу под Кустодий. Вскоре пал Милан. Тысячи беженцев, в их числе Маффен, Мадзини, Каркано, а также Муцио, укрылись в Швейцарии...

Да, впрочем, и вернувшись, Верди никогда уже не обзавелся своим домом в Милане: он и умер-то здесь в гостиничном номере, как и подобает «чужаку».